

А. Н. Чистиков

«Разрешен выезд...»: Деятельность Комиссии по выездам за границу в 1949–1962 гг.

С середины 1950-х гг. заметно оживился международный выезд из СССР. Одним из существенных фильтров для этого потока была Комиссия по выездам за границу, деятельность которой еще не стала предметом специального изучения¹. Первоначально единого органа, контролирующего выезд граждан за границу, не было. Этим занимались иностранные отделы при исполкомах, органы ОГПУ. С 1920-х гг. функции перешли к комиссиям, почти сразу подчиненным ЦК партии большевиков. После нескольких реорганизаций — в июне 1947 г. — появилось Бюро по выездам за границу и въездам в СССР, которое вошло в Комитет информации при Совете министров СССР, объединивший Управление внешней разведки МГБ СССР и Главное разведывательное управление Генерального штаба Советской армии².

Функции Бюро, прописанные в специальном Положении, заключались в рассмотрении и решении вопросов о выездах за границу граждан на постоянную работу в учреждениях СССР, во временные служебные командировки и по частным делам, о выездах политэмигрантов и членов их семей, а также о въезде в СССР по частным делам иностранцев и советских граждан, постоянно проживающих за границей. При этом акцент делался на трех моментах: проверке политической надежности выезжающих работать за границу советских граждан, проверке обоснованности и целесообразности частных ходатайств о выездах из СССР и въездах в него и разъяснении «каждому выезжающему за границу советскому гражданину» правил поведения его за рубежом и получении от него «под личную роспись» соответствующего письменного обязательства³.

Значимость решений по этим вопросам и ответственность в их принятии подчеркивались составом Бюро, председателем и заместителем председателя которого с 1947 по 1949 г. были, соответственно, генерал-лейтенант П. В. Федотов⁴ и полковник А. М. Иванов. Как минимум военными в звании генерал-лейтенанта были и двое из четырех членов Бюро⁵. Вместе с тем деятельность Бюро не вполне вписывалась в основные задачи Комитета информации, переданного в феврале 1949 г. в МИД СССР (и утратившего в связи с этим ряд прежних функций), поэтому 26 мая того же года политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о ликвидации Бюро и воссоздании Комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б) (с октября 1952 г. — при ЦК КПСС). Ее председателем стал секретарь ЦК М. А. Сулов, заместителем остался А. М. Иванов⁶. Кроме «политической проверки лиц» Комиссии предстояло определять «обоснованность и практическую целесообразность удовлетворения ходатайств о выезде или въезде в СССР», принимать «меры по улучшению дела подбора и изучения кадров, командируемых за границу», проводить «личные беседы и инструктаж работников, выезжающих за границу в служебные командировки, о правилах и нормах поведения за границей». Она также рассматривала работу министерств, ведомств и других учреждений по заграничным командировкам, принимала меры к устранению недостатков, допущенных ими при подборе кадров⁷. Работа с политэмигрантами не входила в функции Комиссии, однако теперь на нее возлагались оценка деятельности ряда учреждений, направлявших своих сотрудников за рубеж, принятие мер по улучшению подбора командируемых в другие страны, определение целесообразности служебных поездок. Начавшийся в середины 1950-х гг. массовый (относительно предшествующего периода) выезд советских граждан за границу, как утверждают И. Б. Орлов и А. Д. Попов, опираясь на изученные ими документы, не коснулся Комиссии⁸.

До конца 1949 г. Комиссия рассмотрела просьбы министерств и ведомств о направлении за границу по служебным делам на 35617 чел., причем 9870 (27,7%) из них должны были выехать в капиталистические страны. Кроме того, в Комиссию обратились 1312 чел., желающие по частным делам посетить либо другие страны, либо СССР⁹. Неизвестно, сколько из них получили разрешение. Судя по сохранившимся документам рубежа 1940–1950-х гг., цели поездок были различными. Комиссия оформляла вольнонаемных работников для службы в советских войсках, дислоцировавшихся в ГДР и Польше, рабочих, инженерно-технических работников и служащих, командируемых для добычи угля на Шпицбергене, специалистов из ряда министерств, отправлявшихся в служебную командировку в КНР, подбирала и инструктировала кадры для заграничного командирования, выдавала выездные визы дипкурьерам, рассматривала отчеты о заграничном командировании сотрудников министерств, ведомств и других учреждений.

С середины июля 1950 г. Комиссию возглавил заместитель министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенант Н. Н. Селивановский¹⁰. Через год он был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б), а на его место в конце

августа 1951 г. прибыл другой военный — генерал-полковник С. А. Гоглидзе. Его председательство, совмещавшееся с основной должностью заместителя министра государственной безопасности СССР, длилось еще меньше: уже в ноябре Гоглидзе отбыл в Узбекистан министром государственной безопасности¹¹. Кто пришел на смену Гоглидзе, выяснить не удалось, однако тенденция ставить на руководящие посты людей, связанных с силовыми органами, сохранялась. Весной 1952 г. заместителем председателя Комиссии был полковник госбезопасности А. Ф. Сененков, в конце Великой Отечественной войны и в первый послевоенный год служивший начальником УНКВД-УМВД по Калининской области¹². Ставший не позднее апреля 1954 г. председателем Комиссии генерал-майор А. С. Панюшкин также большую часть трудовой деятельности провел в этих структурах, однако в отличие от предшественников ему удалось поработать в ЦК партии и на дипломатической службе¹³. О сменившем Панюшкина в 1959 г. А. К. Долуде известно немного. Тремя годами ранее некий А. К. Долуда был референтом Н. С. Хрущева¹⁴. В одном газетном очерке человек с этой фамилией назван генералом¹⁵, в другом упоминается А. Долуда, в начале 1966 г. занимавший должность заместителя заведующего отделом заграничных ЦК КПСС¹⁶. Видимо, речь идет об одном человеке.

Замещение руководящих постов в Комиссии старшими и высшими офицерами силовых ведомств свидетельствовало о значимости Комиссии, а появление на посту председателя людей, для которых эта работа становилась основной¹⁷, говорило о повышении роли Комиссии в международных делах.

Наибольший объем работы приходился на изучение документов кандидатов на поездку за рубеж. По утвержденному Комиссией 15 апреля 1959 г. «Порядку предоставления документов...», от выезжающего за границу требовались анкета, автобиография, характеристика с рекомендацией для поездки за границу, подписанная «треугольником» (руководителем учреждения, секретарем партийной организации и председателем профорганизации), утвержденная парткомом (партбюро) и согласованная с вышестоящим партийным органом. К этим документам, составлявшим выездное дело, прикладывалось письмо от организации (или частного лица), в котором указывались цель, основание и сроки командировки (поездки), источник, возмещающий расходы, давалась краткая характеристика выезжающего с упоминанием партийного органа, согласовавшего данную поездку. Завершали комплект документов две справки: объективка и о состоянии здоровья¹⁸.

В этом списке нет рекомендаций двух членов партии для беспартийных работников и взрослых членов семей, поскольку от такой существовавшей ранее формы контроля Комиссия предложила отказаться. С одной стороны, это заметно сокращало количество бумаг и объем работы. В 1960 г., например, коммунисты и комсомольцы составляли 65,15% командируемых; следовательно, из 87 872 чел., представленных министерствами и ведомствами¹⁹, беспартийных насчитывалось свыше 30 600 чел. Во-вторых, это предложение свидетельство-

вало о некотором повышении степени доверия к выезжавшим со стороны контролирующих органов. Но основной блок документов, как нам представляется, остался неизменным.

Согласно новому «Порядку...», все выезжающие как в капиталистические, так и социалистические страны делились на категории в зависимости от сроков пребывания за границей²⁰. Столь основательная роспись во многом была связана с возросшим количеством поездок.

Исходя из «возможности некоторого упрощения оформления выездов», Комиссия предложила также увеличить срок между спецпроверками повторно выезжающих и расширить круг лиц, освобожденных от проверки при выезде за рубеж, в основном за счет работников, занимавших ответственные посты в союзных республиках, краях и областях СССР²¹. Причиной также являлось возросшее число поездок, затруднявшее работу Комиссии²² (табл. 1). Критерий для освобождения от проверки оставался прежним: принадлежность к руководящему слою партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников.

Таблица 1

**Количество представлений от министерств и ведомств
на зарубежные командировки и заявлений от частных лиц
на выезд из СССР и въезд в Советский Союз**

1953	1955	1956	1957	1960
86943	72833	100002	95991	87872

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 15. Л. 85; Д. 17. Л. 78; Д. 18. Л. 7; Д. 20. Л. 7.

Поступившие в Комиссию документы проходили несколько стадий отбора. Часть из них отклонялась уже при первичном просмотре. В отчете Комиссии за 1953 г. указывалось, что «в результате проверки и замечаний со стороны аппарата Комиссии министерствами и ведомствами снято с рассмотрения на Комиссии 2622 кандидатуры». Причины были разными, немалое место занимало наличие компрометирующих материалов: моральная неустойчивость, судимость, исключение из партии, уклонение от уплаты алиментов и т.д. Таких случаев оказалось 908²³.

Оставшиеся кандидатуры подвергались уже более внимательной проверке, которая в основном сводилась к изучению материалов выездного дела, партийных и служебных характеристик, но с учетом позиции МВД и КГБ. При этом нередко члены Комиссии расходились с органами МВД в оценке степени тяжести компромата на выезжающих. Так, в 1953 г. милиция проверила 69 033 работника и взрослых членов их семей из 84 233 чел., представленных министерствами и ведомствами. Оказалось, что у 30 770 (44%) проверенных не совсем хорошая репутация. Комиссия же, перепроверив данные, сочла возможным разрешить выезд почти всем: 30 103 чел., отметив при этом, что компрометирующие

материалы «во многих случаях являются некачественными, поверхностными, формальными, составляются без учета давности и должной критической оценки их политической и практической значимости». Были и такие сведения, которые «ни в какой степени не являются компрометирующими как самих работников, а также и их близких родственников»²⁴. Вероятно, четкого определения того, что относить к порочащим сведениям, не было, и это наряду со стремлением органов МВД перестраховаться приводило к подобным ситуациям.

Тем не менее 457 чел. не получили одобрения Комиссии. Основаниями для отказа послужили следующие причины: неустойчивость в моральном отношении (123 чел.); наличие подозрительных связей с границей и иностранцами (40); проявление антисоветских настроений (30); наличие судимости за различные преступления (29); наличие судимости у близких родственников за антисоветскую деятельность (26); сокрытие своего социального прошлого (20); наличие связей с антисоветскими элементами (19) и служебное несоответствие (13). Отказы для остальных 157 чел. (в том числе для 97 взрослых членов семей) были объединены в группу «другие причины». На первом месте стояли моральные качества, которые вместе с судимостями за различные преступления и служебным несоответствием значительно преобладали над «политическими» и прочими причинами. Страх испортить культивируемый внутри страны и вне ее положительный образ советского человека оказывался сильнее опасений того, что кто-то проявит себя за границей противником социалистического строя или, более того, окажется невозвращенцем.

Часть кандидатов на поездку — по разным причинам — Комиссия приглашала для личной беседы. В ноябре 1958 г. в Комиссию поступили документы наладчика геофизической аппаратуры М. Из информации, представленной КГБ, явствовало, что его отец был раскулачен, мать происходила из семьи священника. Все трое имели в разное время судимости²⁵. При этом КГБ возражений против зарубежной командировки М. в ГДР не имел. М. вызвали на беседу в аппарат Комиссии, где его объяснениями удовлетворились и разрешили поездку. Однако через 3 недели после отъезда М. в Комиссии раздался телефонный звонок работника КГБ, а вслед за ним пришло официальное письмо. Ссылаясь на невозможность «организовать обеспечение т. М. ввиду частых разъездов его по стране», КГБ предлагал отозвать М. в СССР, что и было сделано новым решением Комиссии, хотя при этом она охарактеризовала действия КГБ как перестраховку²⁶.

В общей массе отъезжающих беседы удостоивалась малая их часть. В 1953 г. из 88 808 кандидатур лишь 2683 чел. (3,02 %) побывали в Комиссии²⁷. В 1957 г. процент охваченных этой формой проверки вырос почти в 4 раза: 10 592 чел. (11,48 %) из 92 246 чел.²⁸ Для бесед обычно вызывались не только те, на которых при проверке были получены противоречивые данные или серьезные компрометирующие материалы, но также направлявшиеся советниками в страны народной демократии или на руководящую работу в советские учреждения за границей. Особое внимание обращалось на командируемых в капиталистические

страны. В записке, направленной в ЦК КПСС летом 1956 г., А. С. Панюшкин указывал, что, «как правило, эти работники вызываются на беседу в аппарат Комиссии для личного ознакомления и выяснения отдельных вопросов и только из-за чрезмерной загрузки работники Комиссии не в состоянии беседовать со всеми выезжающими в капиталистические страны»²⁹. Приведенные им далее данные показывают, что в 1955 г. аппарату Комиссии удалось поговорить с 7321 чел. (57,26%), в первом полугодии 1956 г. — с 5650 чел. (64,51%). Другие группы и категории выезжавших таким вниманием не пользовались.

Неотъемлемой частью подготовки к зарубежному путешествию или командировке являлся инструктаж в Комиссии, на котором отъезжающие «знакомятся с утвержденным ЦК КПСС обязательством для советских граждан, выезжающих за границу или проживающих за границей, о поведении за границей и дают подписку о неразглашении государственной тайны и соблюдении правил поведения советских граждан за границей. На этих же беседах командиром даются соответствующие ответы на интересующие их вопросы»³⁰. Как видим, Комиссия здесь приняла эстафету у Бюро по выездам за границу и въездам в СССР.

Инструктаж были обязаны пройти все получившие разрешение, однако Комиссия в силу ограничения физических и финансовых возможностей занималась только частью выезжавших. Впрочем, это тоже была не маленькая группа. В 1953 г., например, аппарат Комиссии проинструктировал 20 053 чел., почти четверть всех подавших документы. Еще 1262 чел. получили инструкции в своих министерствах: путей сообщения, связи и ГВФ, а свыше 3500 вольнонаемных работников — в политорганах Министерства обороны³¹. Работники и группы из других регионов СССР проходили инструктаж, вероятно, в своих обкомах и крайкомах.

Юрист А. И. Ваксберг, отправлявшийся в 1960 г. в Болгарию на конгресс Международной ассоциации юристов, уже в постперестроечные времена так вспоминал об инструктаже: «Поездке предшествовал визит в ЦК: какой-то аппаратный толстопуз гнусавым голосом давал инструкцию о “правилах поведения” за рубежами нашей страны. Доверительно и дружески (а как же иначе?) он предупредил о неизбежных провокациях со стороны “всё еще окопавшихся в Болгарии русских белогвардейцев” и повелел каждому подписать “справку”, где говорилось, что “с правилами поведения советского гражданина за границей” такой-то ознакомлен и обязуется их выполнять. Среди правил было еще и такое: не вступать ни в какой самовольный контакт ни с кем из жителей данной страны, а при попытке кого-то из жителей такой контакт установить немедленно поставить в известность руководителя группы»³². Сам Ваксберг нарушил это правило. Болгарская студентка — переводчица советской группы — вскоре стала его женой. Никакого наказания не последовало.

Судя по документам, провокации время от времени случались, но были и курьезные случаи. Об одном из них вспоминал член-корреспондент РАН И. С. Кулаев. В 1960 г. его, молодого кандидата наук, направили по научно-му обмену в Италию и перед поездкой в беседе также предупредили о всяких

неожиданностях и даже провокациях. Прилетев в Рим, рассказывал Кулаев, «я взял два чемодана, похожих на мои (а тогда в советском ассортименте чемоданов особого разнообразия не было), и спокойно уехал в Рим. Оставшись в гостиничном номере, я решил из-за позднего времени, не распаковываясь капитально, лечь спать. Открыл нужный чемодан, чтобы взять самое необходимое, и... чуть не упал в обморок. Чемодан был набит коммунистической литературой на всех языках мира, в первую очередь я увидел переводы речи В. И. Ленина на III съезде комсомола. Под влиянием бесед в ЦК КПСС я сразу подумал: “Вот и провокации начались, сейчас меня заберут в полицию”. Прошло некоторое время, меня не берут, и я начинаю соображать, что же это на самом деле означает. Довольно скоро я понял, что, по-видимому, взял чемодан, принадлежавший комсомольской делегации, летевшей вместе со мной через Рим в Ниццу для участия в Международном съезде коммунистической молодежи»³³.

Пересечение государственной границы СССР не означало окончания взаимоотношений с Комиссией. В любую минуту работник мог быть отозван по различным причинам. Иногда в результате повторной проверки открывались новые компрометирующие обстоятельства. Безусловно, такую проверку проводили в отношении лишь части работавших за рубежом и, скорей всего, в связи с некоторыми сомнениями, возникавшими у членов Комиссии при первичном изучении документов. Но наиболее распространенной причиной было недостойное поведение советских работников за границей.

Что подразумевалось под недостойным поведением, объясняют несколько документов, относящихся к 1952 г. и связанных с работниками, строившими с апреля 1952 г. Дом культуры и науки в Варшаве. В ноябре того же года здесь трудились 2673 рабочих, инженерно-технических работника и служащих. К этому времени уже 96 чел. покинули Польшу «за пьянство и связанные с ним аварии на транспорте, за связь с польскими гражданами³⁴, за хулиганство и драки». Как признавал третий секретарь Посольства СССР в Польше А. Лукьянов в справке, направленной 12 января 1953 г. в Комиссию, «жилищно-коммунальный отдел рабочего поселка Дружба в буквальном смысле слова выполняет функции милиции. В ЖКО почти каждую субботу и воскресенье доставляют пьяных строителей». Причину такой ситуации дипломат видел прежде всего в том, что 80% занятых на строительстве ДКН составляли молодые люди от 19 до 25 лет. Быт общежития и скромные формы досуга толкали их к доступному развлечению — выпивке. Сдерживающим фактором могла стать семья. «Из практики работы в условиях заграницы известно, что на устойчивости в моральном отношении того или иного работника сказывается его семейное положение, — заключал Лукьянов. — Работник, командированный за границу с семьей, более устойчив в моральном отношении, чем работник, находящийся без семьи»³⁵. В справедливости этого наблюдения можно не сомневаться, однако не все строители имели семьи к моменту командировки, а для семейных могла возникнуть сложность с трудоустройством второй половины и определением детей в дошкольные и школьные учреждения.

Тем не менее практика отправки за границу семей была распространена. Срок пребывания за рубежом для подавляющего большинства советских граждан не превышал трех лет: до одного года — 13 264 чел. (32,73%), от года до трех лет — 23 412 чел. (57,78%)³⁶. На более длительный срок оставалась работать лишь 1/10 часть сотрудников. Таким образом, более половины командированных находились за границей более года и в этой ситуации наличие рядом семьи становилось положительным фактором. Данных о количестве семейных нет, но можно попытаться определить их косвенным путем. На 1 января 1954 г. в других странах находилось 57 907 чел., прошедших через Комиссию. Из них 40 523 являлись работниками, 9 445 — взрослыми членами семьи, 7 939 — их детьми³⁷. Если принять 9 445 за количество семей, то получится, что всего 13 694 (33,79%) чел. составляли несемейные.

Эти данные вновь подтверждают, что забота о моральном облике стояла на первом плане, затмевая опасения перед возможностью, что какая-либо семья попросит политического убежища.

Вторым важным направлением работы Комиссии был контроль заявок от министерств и ведомств, поскольку именно они посылали подавляющую часть работников за рубеж. Редкая возможность выехать за границу расценивалась многими советскими людьми не только как удача, от которой нельзя отказаться, но и как удовольствие, которое стоит продлить. В этом случае Комиссия организовывала экспертизу, причем в самых различных областях. Так, в 1956 г. Комиссия установила, что для съемок документального фильма в Бирму достаточно командировать 7 чел. сроком от одного до трех месяцев, в то время как ЦК КПСС своим постановлением разрешил Минкульту отправить туда съемочную группу из 11 чел. на 4 месяца³⁸. Видимо, это один из немногих случаев, когда Комиссия «поправила» ЦК КПСС.

Заботой об экономии государственных средств была продиктована и борьба с «параллельными командировками», когда по одному и тому же поводу разные организации направляли своих специалистов. В 1956 г. Комиссия обнаружила, что вслед за группой из 18 специалистов, отправленных советско-чехословацкой комиссией по научно-техническому сотрудничеству в Чехословакию для ознакомления с некоторыми изделиями машиностроительных заводов, собираются выехать на те же объекты и с той же целью 12 человек, командированных отраслевой комиссией СЭВ³⁹.

Случаи неэффективного расходования валютных средств не были редкими, что послужило причиной для принятия 18 февраля 1959 г. постановления Президиума ЦК КПСС «О мерах по улучшению организации командировок советских специалистов за границу», в котором запрещались поездки за границу «по второстепенным и малозначительным вопросам, не представляющим интереса для государства, а также излишней численности делегаций». На этом основании в 1960 г. Комиссия сократила «без ущерба для дела» общую численность делегаций на 305 чел. и отклонила предложения о командировании

420 специалистов, посчитав темы их поездок неактуальными. В эту категорию, в частности, попало ознакомление «с производством наперстков, платяных кнопок и безопасных булавок, опытом работы в области архивного дела, методами экспонирования роз в розариумах, исследованиями влияния зеленых насаждений на уменьшение уличного шума»⁴⁰. Не будучи специалистами в этих вопросах, члены Комиссии опирались на мнение соответствующих отделов ЦК и согласовывали свои действия с руководителями ведомств.

Контроль над кандидатурами от министерств и иных учреждений на стадии отбора кадров и оформления документов был разносторонним. Несмотря на принятое ЦК ВКП(б) 26 мая 1949 г. постановление об ответственности руководителей министерств и ведомств за подбор кадров, командируемых за границу, ситуация в этой области и в 50-х гг. оставалась не вполне благополучной.

Особенно Комиссия была недовольна работой Министерства обороны с вольнонаемным составом. В первом полугодии 1956 г. «за нарушение правил поведения за границей и по служебному несоответствию» было отозвано 329 чел., в том числе 214 из этого министерства⁴¹. В 1957 г. «за недостойное поведение» на Родину возвратили 274 работника Министерства обороны, что составило 54 % от всех отозванных⁴². За 10 месяцев 1959 г. досрочно в СССР вернули 182 чел. Правда, следует учесть, что и контингент советских работников за границей в Министерстве обороны был самым большим: в 1959 г. в войсках Советской армии в ГДР и Польше насчитывалось 17 тыс. рабочих и служащих. Тем не менее Комиссия, встревоженная сложившейся ситуацией, решила для ее изучения командировать туда двух инструкторов и получила на это согласие ЦК КПСС⁴³. Видимо, коренным образом положение исправить не удалось. В 1960 г. 341 вольнонаемный работник Министерства обороны вынужден был вернуться в СССР досрочно. Это составило вновь 54 % от всех командированных⁴⁴.

В целом же после принятия упомянутого постановления Президиума ЦК КПСС от 18 февраля 1959 г. министерства и ведомства, как отмечалось в отчете Комиссии за 1960 г., «несколько улучшили работу по подбору и направлению». В абсолютных величинах количество отозванных в этом году составило 632 чел.⁴⁵, даже больше, чем в предыдущие годы. Эти цифры не вполне отражают реальное состояние дела, так как количество работающих за границей, скорее всего, с каждым годом ненамного увеличивалось и по этой причине относительная численность отозванных могла уменьшаться. Тем не менее сохранение (и даже небольшой рост) абсолютных показателей говорит именно о некотором улучшении — не более того.

Невнимательность соответствующих министерских служб иногда приводила к парадоксальным ситуациям. В ноябре 1953 г. А. Ф. Сененков с возмущением докладывал М. А. Суслову о том, что заместитель министра культуры СССР Н. Н. Беспалов в октябре представил в Комиссию список коллектива Государственного русского народного оркестра им. Осипова, выезжающего

в Австрию для участия в концертах в связи с месячником австро-советской дружбы. При проверке выяснилось, что внесенный в список Л. еще в марте был осужден за хищение на 10 лет. Вызванным в Комиссию начальнику Управления внешних сношений Минкульта СССР Переславцеву и начальнику отдела загранкадров М. И. Макарову было указано на безответственное отношение⁴⁶. Неизвестно, что они говорили в свое оправдание. Возможно, они могли ссылаться на то, что оформление документов длилось месяцами и началось тогда, когда Л. работал в оркестре.

Более распространенной была противоположная ситуация, когда Комиссия получала необходимые документы в самый последний момент или вообще их не получала. В записке А. С. Панюшкина в ЦК КПСС от 10 августа 1956 г. этому был посвящен целый абзац: «Комиссия провела проверку выполнения 247 постановлений ЦК и Совета Министров ССССР, принятых в первом полугодии этого года о командировании в страны народной демократии советников и специалистов для оказания технической помощи в количестве 4045 чел. При этом оказалось, что 21 постановление о посылке 418 работников министерствами и ведомствами не выполнено. Из этого количества оформлен выезд за границу в сроки, предусмотренные постановлениями, только 189 чел., оформлены с опозданием до 3-х месяцев — 150 чел., а на 51 чел. материалы в ЦК КПСС министерствами и ведомствами до сих пор не представлены»⁴⁷.

Поскольку документы проходили несколько инстанций, подобные задержки случались на разных уровнях. Подводя итоги работы Комиссии в 1957 г., А. С. Панюшкин указывал, что Государственный комитет Совета Министров СССР по внешним экономическим связям и Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР с опозданием вносили в ЦК КПСС и Правительство предложения о загранкомандировках. В результате, например, одно из распоряжений Совета Министров СССР об участии советских специалистов в международных конференциях в Англии и Франции было подготовлено за неделю до их начала. Из 2792 чел., выезжавших на ярмарки, выставки и конференции, опоздало 436 чел. (15,62%). Делегация Государственного комитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике прибыла в Англию на выставку электронной техники, автоматики и инструментов с задержкой на неделю, а делегация из ВЦСПС и Комитета по труду и зарплате при Совете Министров СССР отправилась на конгресс и выставку по технике безопасности и охране труда в Дюссельдорф уже после закрытия конгресса⁴⁸.

Особой неорганизованностью отличалось Министерство культуры СССР, что заставило Комиссию обратиться в ЦК КПСС со специальной запиской, в которой приводилось немало примеров халатного отношения к оформлению загранкомандировок. Один из них был связан с организацией фестиваля советских кинофильмов в Италии. О том, что такой фестиваль будет проводиться в ноябре 1957 г., посол СССР в Италии С. П. Козырев сообщил в Министерство в августе. В ЦК предложение о составе делегации поступило

из Министерства культуры лишь в ноябре. Комиссия вынуждена была принять решение в самый последний момент, не закончив необходимой проверки. К тому же члены делегации узнали о своей поездке накануне выезда, в Министерстве с ними никакой беседы не проводилось. В результате к открытию фестиваля в Италию прилетели пять членов делегации, еще двое выехали через три дня после открытия, а пятеро — и среди них Н. К. Черкасов, В. П. Марецкая и Р. Д. Нифонтова — не приехали вообще.

Получая документы по персональному составу за несколько дней, а то и в день выезда, Комиссия лишалась «возможности тщательно разобраться в целесообразности этих поездок и, чтобы не сорвать выполнение постановления Правительства, [была] вынуждена идти на риск, разрешая выезд без должной проверки»⁴⁹. Была ли такая ситуация следствием простой неорганизованности или сознательного затягивания оформления бумаг чиновниками разных уровней, однозначно сказать сложно. При всей очевидности первой причины нельзя, по нашему мнению, сбрасывать со счетов и вторую.

В какой-то степени это допущение подкрепляется следующим обстоятельством: более строгим подходом к деятелям культуры, отправляющимся за рубеж. В 1957 г., например, из 53830 специалистов, командированных ведомствами и министерствами, Минкульт направил 4320 чел. (8,03%). В то же время на стадии рассмотрения заявок из 890 отсеянных по всем министерствам и ведомствам, 466 (52,36%) оказалось поданных через Минкульт⁵⁰. А всего за 1955–1957 гг. было отказано в выезде (с учетом снятых с рассмотрения) более 1600 работникам сферы культуры⁵¹. Естественно в этом случае стремление ответственных за оформление документов придерживать их до последнего момента в расчете на менее тщательный анализ со стороны членов Комиссии.

Записка Комиссии не осталась без внимания Кремля. Не позднее 5 февраля 1958 г. был подготовлен проект постановления Секретариата ЦК КПСС, который обязывал Министерство культуры СССР устранить отмеченные А. С. Панюшкиным и М. И. Туркиным недостатки, доложив о результатах в июле того же года. Проект устанавливал новый временной порядок прохождения документов: в ЦК КПСС и Правительство Минкульт обязан был подавать свои предложения не позднее чем за 2–3 месяца до командировки, а в Комиссию персональные списки должны были поступать не менее чем за 30 дней при выезде в страны народной демократии и 45 — при поездке в капиталистические государства⁵².

Прошло два года, и Министерство культуры СССР вновь оказалось в поле особого внимания Комиссии, которая 9 января 1960 г. направила в ЦК КПСС записку «О серьезных недостатках в работе Министерства культуры СССР по командированию за границу деятелей искусства»⁵³. Нарушение сроков оформления документов было лишь одной из претензий. Гораздо больше внимания уделялось недостойному поведению командированных. Министр культуры и школ Словакии Биляк обвинил одного из создателей фильма «Некон-

ченная песня» в стяжательстве. Серьезными с политической точки зрения были претензии к балерине Д. и актрисе З., которые расплачивались соответственно за балетные пачки и платья деньгами, одолженными у «белоэмигрантов». Приводились в этом документе и другие примеры «аморальных и неблаговидных поступков»: использование «не в меру» бесплатных угощений для экономии выданной валюты; отказ от поездки на Ниагарский водопад и требование денежного возмещения за бесплатное угощение, которое получили другие участники экскурсии; пьянство и походы «по ночным кабаре и ресторанам Парижа в сопровождении антисоветски настроенных эмигрантов»... В результате, в 1959 г. Комиссия вернула 16 командированных в Советский Союз, а 914 чел. было отказано в поездке еще на стадии рассмотрения документов.

Причины подобного положения председатель Комиссии А. К. Долуда видел в недостаточной политико-воспитательной работе среди артистов, в незнании работниками Министерства командируемых лиц, о которых они судили только по анкетным данным, в плохой связи с местными партийными органами, которые стремились активно участвовать в отборе кандидатов. Как подчеркивал Долуда, не один раз Комиссия отказывала в поездке кандидатам, предложенным Министерством, именно по настоянию местных партийных органов.

Комиссия предъявила Минкульту претензию и относительно слабого расширения круга командируемых «молодыми талантливыми исполнителями», в результате чего за границей СССР представляли одни и те же лица. «Вот некоторые примеры, — указывал автор записки, — кинорежиссер Герасимов выезжал за границу 49 раз, Юткевич — 24, артист Черкасов — 35, пианисты-аккомпаниаторы: Макаров — 54, Вальтер — 45 раз. Ерохин в течение последних лет посетил 42 страны, где пробыл в общей сложности 37 месяцев⁵⁴». Можно согласиться с этим обвинением Комиссии, если бы не одно «но». Как нам представляется, на частоту заграничных командировок влияли не только личные знакомства и потенциальные материальные блага, но и другие причины: политические, экономические, идеологические.

Яркий пример в этом отношении — ситуация, сложившаяся с поездкой во Францию в 1955 г. В. Т. Бовт — балерины Музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. При оформлении документов на выезд в Комиссию поступила информация из КГБ, в которой отрицательно характеризовались отец (якобы живущий в США, а не пропавший без вести на фронте) и сестры Виолетты, указывалось на наличие в США ее близких родственников. На этом основании КГБ считал выезд Бовт во Францию нецелесообразным. Вызванная на беседу в Комиссию Бовт объяснила, что ее отец погиб на фронте, а о родственниках в Америке она ничего не знает. На следующий день Виолетта позвонила в Комиссию и заявила, что «в связи с болезнью ног, тяжелой обстановкой в театре, плохой подготовкой театра к поездке в Париж и неправильным к ней отношением со стороны руководства театра она не может ехать во Францию». Вероятно, всё же не этот демарш оказал влияние

на решение Комиссии, а иные обстоятельства. В. Т. Бовт была прима-балериной театра, первой исполнительницей главных партий в балетах «Лебединое озеро» и «Эсмеральда», ставших к этому времени уже знаковыми. «...ее отсутствие в Париже, — писали в ЦК КПСС А. Ф. Сененков и М. И. Туркин, — сильно ослабит качество постановок и театр окажется в затруднительном положении, так как достойной замены Бовт Виолетты театр не имеет». Комиссия готова была разрешить выезд Бовт на зарубежные гастроли «при условии соответствующего обеспечения ее во Франции Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР»⁵⁵.

Если в данном случае немаловажной оказалась финансовая сторона, то вопрос об одном из самых знаменитых хоккейных защитников 1950–1960-х гг. Н. М. Сологубове, не получившем разрешения на поездку на чемпионат мира и Европы 1955 г., проходивший в ФРГ, приобрел политическое звучание. За 20 дней до начала чемпионата председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта Н. Н. Романов обратился с письмом к М. А. Суслову, в котором утверждал, что отсутствие Н. М. Сологубова «отрицательно скажется на играх команды в соревнованиях на первенство мира». Этот аргумент сыграл свою роль, и за несколько дней до отъезда команды в Западную Германию Н. М. Сологубов получил право на выезд. Сборная СССР стала чемпионом Европы и серебряным призером чемпионата мира, проиграв лишь канадцам. Годом раньше советские хоккеисты выиграли и европейский, и мировой чемпионаты.

Призывая министерства и ведомства к соблюдению сроков подачи документов, Комиссия закрывала глаза на подобное нарушение, когда поступало распоряжение из Президиума ЦК КПСС или от партийных руководителей, как правило от М. А. Суслова, который, видимо, как секретарь ЦК курировал это направление. Случай с Н. М. Сологубовым из этой серии, но он не единственный. Меньше чем за неделю было оформлено разрешение на посещение Венгрии майором Ю. А. Гагариным с женой, младшей дочерью и няней: 12 августа согласие на поездку дал Президиум ЦК КПСС, а 17-го — Комиссия⁵⁶. Всего четыре дня потребовалось председателю ВЦСПС Н. М. Швернику для того, чтобы через М. А. Суслова оформить для своего помощника П. И. Богоявленского выезд в Румынию на празднование 10-й годовщины освобождения страны от нацистов⁵⁷. В числе «рекордсменов» оказался журналист Н. Г. Дедков, которого редакция газеты «Известия» в 1959 г. направляла в качестве специального корреспондента для сопровождения партийно-правительственной делегации в Албанию. Письмо из «Известий», поступило в Комиссию 21 мая. В этот же день Президиум ЦК КПСС принял решение о командировании Н. Г. Дедкова и тотчас же Комиссия разрешила выезд, снабдив, правда, письмо «известинцев» штампом: «В проверку не послано, нет документов»⁵⁸. Эти и подобные им случаи вызывались, как правило, политическими или идеологическими обстоятельствами, перед которым отступали формальные правила.

К помощи партийных руководителей прибегали люди как хорошо известные в стране, так и не очень знаменитые. 11 мая 1953 г. К. Е. Ворошилов и И. Г. Эренбург получили письма с одним и тем же текстом от московского инженера С. История, изложенная в письме, не была распространенной, но и чрезвычайно редкой ее назвать было нельзя. Учась в Тимирязевской академии, С. познакомилась со студентом-чехом. Молодые люди полюбили друг друга, но по закону 1947 г. брак с иностранцем в СССР был запрещен⁵⁹. Чех уехал домой, а когда узнал о рождении ребенка, то признал себя отцом и выразил готовность помогать. Эренбург обратился к Ворошилову как к председателю Верховного Совета СССР с просьбой разрешить С. выезд в Чехословакию. Ворошилов, в свою очередь, переслал ходатайство С. секретарю ЦК партии М. А. Сулову, который уже 30 мая наложил резолюцию: «Гов. Сененкову. Прошу обсудить вопрос в Комиссии по выездам и о результатах сообщить»⁶⁰. Через пять месяцев Комиссия разрешила С. выехать с дочерью на постоянное жительство к будущему мужу, «с которым она состоит в фактическом браке»⁶¹. Стоит обратить внимание, что история благополучно завершилась всего через полмесяца после отмены упомянутого закона «О воспрещении браков». Были ли связаны между собой эти события — сказать трудно.

Оформление документов на выезд из СССР и въезд в него по частным делам и приглашениям не занимало у членов Комиссии столь значительного объема времени, как работа с министерствами и ведомствами, но составляло не менее важное направление. К сожалению, сведения об этой стороне деятельности в изученных материалах скупы и отрывочны, поэтому в данной статье они носят по преимуществу иллюстративный характер. Впрочем, некоторые предположения и выводы можно сделать, опираясь на сведения, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Выезд в СССР и выезд из Советского Союза по частным делам

Типы заявлений		1953		1957	
		Количество заявлений, ед.	Количество заявлений, %	Количество заявлений, ед.	Количество заявлений, %
Всего подано заявлений на выезд и въезд		2710	–	28128	–
Выезд	Всего подано заявлений	1683	100	24383	100
	Положительное решение	1476	87,70	6583	28,11
	Отрицательное решение	207	12,30	17530	71,89
Въезд	Всего подано заявлений	1027	100	3745	100
	Положительное решение	855	83,25	2719	72,60
	Отрицательное решение	172	16,75	1026	27,40

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 15. Л. 91; Д. 18. Л. 15, 16.

Сравнение статистических данных за 1953 и 1957 гг. показывает, что численность желающих пересечь границу страны по частным делам существенно увеличилась.

Если в 1953 г. Комиссия рассмотрела 2710 заявлений на въезд и выезд, то в 1957 г. — уже 28 128, т.е. в 10,4 раза больше. Безусловно, это было связано с общим изменением политической ситуации в СССР. При этом количество планируемых выездов за рубеж в обоих случаях превышало число въездов, но соотношение между ними резко изменилось. В 1953 г. коэффициент превышения составил 1,64, в 1957 г. — 6,51. Интерес и тяга советских людей к загранице оказывались намного сильнее, чем стремление зарубежных гостей посетить Советский Союз.

Однако не все желающие могли покинуть страну или прибыть в нее для временного или постоянного проживания. Сопоставление получивших и не получивших разрешение на выезд выявляет парадоксальную ситуацию. В 1953 г., который во многом нес на себе отпечатки периода «позднего сталинизма», отказали 12,30% заявителям. В 1957 г., относящемся, по справедливому мнению исследователей, к периоду «оттепели», не выпустили из страны 71,89% подавших документы. Для 1953 г. можно принять объяснение авторов отчета о работе Комиссии: отсутствие «обоснованности и практической целесообразности»⁶². С весны 1956 г., после принятия 7 февраля этого года постановления президиума ЦК КПСС «О порядке выезда из СССР в страны народной демократии по частным делам граждан СССР и граждан стран народной демократии, постоянно проживающих в Советском Союзе», оформление временного выезда за границу в частном порядке перешло к органам Министерства внутренних дел⁶³. В сфере деятельности Комиссии остались, вероятно, дела о переезде из СССР в другие страны на постоянное место жительства, а это была принципиально иная ситуация. Председатель Комиссии А. С. Панюшкин в письме в ЦК КПСС отмечал рост числа украинцев, желающих вернуться в Чехословакию, откуда они выехали в 1947 г. В 1954 г. в Комиссию обратились 433 чел., в 1955 — уже 2793, а за пять месяцев 1956 г. — 2046 чел.⁶⁴ Панюшкин предлагал «строже подходить к их заявлениям». Его беспокойство было понятным: возвращение украинцев в Чехословакию било по престижу СССР, приобретало политическую окраску. По этой причине выдача разрешений на переезд из Советского Союза в другую страну носила вынужденный характер. В отчете о работе Комиссии за 1957 г. А. С. Панюшкин это особо подчеркнул: «Положительное решение Комиссии выносилось преимущественно в отношении лиц польской, еврейской и чехословацкой национальностей, которые ранее имели право на репатриацию согласно советско-польскому и советско-чехословацкому соглашениям, но в свое время не воспользовались этими соглашениями, а также в отношении лиц, вступивших в брак с гражданами стран народной демократии, граждан престарелого возраста, дети или близкие родственники которых находятся за границей, и членов семей югославских граждан, выезжающих по советско-югославской конвенции»⁶⁵.

Официально отрицательное решение вновь обосновывалось отсутствием практической необходимости, но к этой причине добавилось также наличие серьезных компрометирующих материалов. Возможно, такие сведения исходили не только от МВД и КГБ, но и от партийных органов. А. С. Панюшкин пояснял в отчете, что Комиссия учитывала мнение местных партийных организаций. Так, отъезд большой группы колхозников был признан нецелесообразным как раз по рекомендации ряда обкомов партии Литвы, Молдавии и Украины⁶⁶.

Возвращаясь к табл. 2, отметим, что соотношение между количеством подавших заявление на въезд в СССР и получивших разрешение в 1953 и 1957 гг. ненамного различается: большинство желающих посетить Советский Союз получали согласие властей. Естественно, более тщательно рассматривались «гости» из капиталистических государств, к которым в 1953 г. отнесли не только иностранцев, приехавших к своим родственникам, на лечение и пр., но и бывших жителей западных областей Украины, Белоруссии и Прикарпатья, оставивших здесь свои семьи и выехавших на заработки. Им разрешалось посещение родных мест лишь в том случае, если во время пребывания за границей они проявляли «лояльное отношение к Советскому Союзу», а их семьи «ничем себя не скомпрометировали»⁶⁷.

Всё это свидетельствует о проявлении к выезжавшим–въезжавшим по частным делам большего внимания, чем к командированным, тем более если речь шла о переезде из СССР, а не о временном выезде за границу. Деятельность Комиссии по выездам за границу прекратилась по решению Президиума ЦК КПСС от 20 декабря 1962 г. Ее функции перешли к Отделу кадров дипломатических и внешнеэкономических органов, переименованному впоследствии в Отдел заграничных кадров ЦК КПСС. Однако уже в начале 1967 г. ЦК вернулся к привычной структуре, и воссозданная Комиссия работала до августа 1991 г.⁶⁸ Оценивая работу Комиссии в 1950-х – начале 1960-х гг., можно утверждать, что она являлась одним из важных фильтров в государственной системе допуска к международным поездкам.

¹ Единственным исследованием, в котором уделяется некоторое внимание работе Комиссии, является: Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016.

² Постановление политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам выезда за границу и въезда в СССР. 25 июня 1947 г. (комментарии) // Сталин и космополитизм (<http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69337> (дата обращения 07.08.2015)).

³ Там же.

⁴ Одновременно с сентября 1946 по сентябрь 1949 г. П. В. Федотов руководил советской внешней разведкой (Антонов В. С. Служба внешней разведки: История, люди, факты. М., 2014. С. 71).

⁵ Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при СМ СССР (<http://shieldandsword.mozohin.ru/ki4758/structure/bureau.htm> (дата обращения 07.08.2015)).

⁶ Зеленов М. В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946, в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. СПб., 2011. № 1. С. 108.

- ⁷ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 14. Предисловие. С. 6/н. См. также: *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Сквозь «железный занавес». С. 40.
- ⁸ *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Сквозь «железный занавес». С. 38. Они отмечают, что в проекте постановления о возобновлении иностранного туризма в СССР (апрель 1955 г.) предполагалось: МИД СССР, КГБ СССР и Комиссия по выездам за границу установят «упрощенный (ускоренный) порядок оформления разрешений на выезд из СССР и выдачи коллективных виз советским гражданам» (Там же. С. 37).
- ⁹ Записка А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. 10 августа 1956 г // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 17. Л. 78.
- ¹⁰ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 (<http://www.knowbysight.info/SSS/06554.asp> (дата обращения 07.08.2015)). Н. Н. Селивановский оставался заместителем министра до 26 августа 1951 г., пост председателя Комиссии он покинул 18 сентября того же года (Там же).
- ¹¹ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991.
- ¹² Сененков Алексей Федотович (http://shieldandsword.mozohin.ru/nkvd4353/terr_org/oblast/kalinin.htm (дата обращения 23.04.2016)).
- ¹³ *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. (<http://www.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/index.htm> (дата обращения 23.04.2016)). Генерал-майором А. С. Панюшкин стал с 31 мая 1954 г.
- ¹⁴ Долуда А. К // Биографический словарь. Альманах «Россия. XX век» (<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dict-bio/55074/4> (дата обращения 04.08.2016)).
- ¹⁵ *Максименков Л.* О политической предыстории конкурса им. П. И. Чайковского (<http://www.kommersant.ru/doc/2739084> (дата обращения 14.05.2016)).
- ¹⁶ *Огрызко В.* Преодоление зашатательности: Тщательно спланированный прорыв Ильи Глазунова // Литературная Россия. 2015. 13 марта (www.litrossia.ru/archive/item/346-preodolenie-zaushatelstva-tschatelno-splanirovannyj-proryv-ili-glazunova (дата обращения 14.05.2016)).
- ¹⁷ Должность председателя Комиссии стала освобожденной по решению Секретариата ЦК КПСС с 30 мая 1955 г. (См.: *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Сквозь «железный занавес». С. 37).
- ¹⁸ Порядок предоставления документов в Комиссию по выездам за границу при ЦК КПСС для оформления заграничных командировок. 16.04.1959 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 19. Л. 52.
- ¹⁹ Информационная записка в ЦК КПСС «О некоторых итогах работы Комиссии по выездам за границу за 1960 г.». 14.03.1961 // Там же. Д. 20. Л. 7, 8.
- ²⁰ Там же. Л. 52–54.
- ²¹ А. С. Панюшкин — ЦК КПСС. 23.04.1959 // Там же. Л. 50–51.
- ²² Председатель Комиссии А. С. Панюшкин просил в августе 1956 г. расширить штат ее аппарата на 15 чел. (Записка А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. 10.08.1956 // Там же. Д. 17. Л. 81).
- ²³ Отчет о работе Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС за 1953 год // Там же. Д. 15. Л. 89.
- ²⁴ Там же. Л. 92.
- ²⁵ Зам. председателя КГБ СССР К. Лунев — ЦК КПСС. 31.12.1958 // Там же. Д. 18. Л. 39.
- ²⁶ А. С. Панюшкин — секретарю ЦК КПСС А. И. Кириченко. 06.01.1959 // Там же. Л. 40–41.
- ²⁷ Подсчитано по: Отчет о работе Комиссии... за 1953 год // Там же. Д. 15. Л. 85, 86, 90. В числе 2710 чел., подававших документы в частном порядке, были не только выезжавшие за рубеж, но и выезжавшие в СССР, что дает небольшую погрешность в относительных данных.
- ²⁸ Всего в 1957 г. Комиссия рассмотрела 95991 заявление, но из 28 128 чел., подававших документы на въезд–выезд, 24 383 собирались за рубеж и, соответственно, 3745 чел. намеревались посетить СССР. См.: [Отчет о работе Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС за 1957 год] // Там же. Д. 18. Л. 8, 15.

- ²⁹ Записка А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. 10.08.1956 // Там же. Д. 17. Л. 78.
- ³⁰ Отчет о работе Комиссии... за 1953 год // Там же. Д. 15. Л. 90.
- ³¹ Там же. Л. 91.
- ³² *Ваксберг А. И.* Моя жизнь в жизни. М., 2000. Т. 1. С. 123–124. Кинорежиссер Г. Данелия со свойственным ему юмором вспоминал, что перед поездкой в Мексику инструктор ЦК КПСС, окончив беседу с ним, С. Ф. Бондарчуком, И. К. Скобцовой и И. В. Таланкиным, попросил Данелия задержаться и наедине добавил, что «поскольку я грузин, то ко мне могут быть провокации через женщин» (См.: *Данелия Г.* Безбилетный пассажир. М., 2005. С. 135).
- ³³ *Кулаев И. С.* Времена и нравы: мемуары, письма, дневники. Моя работа с Эрнестом Чейном // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 79. № 6. С. 556.
- ³⁴ Один из примеров такой связи представлен в документе, озаглавленном как «Список рабочих строительства ДКН, нарушивших правила поведения советских граждан за границей». Штукатур Ш. и слесарь А., познакомившись в Варшаве «с тремя польскими женщинами легкого поведения», купили выпивку и отправились к ним в гости на полтора суток. Потом их задержала польская милиция и потребовала вернуться в поселок Дружба, где они жили. Вместо этого рабочие купили водку и возвратились к своим недавним знакомым. Лишь ближе к полуночи они явились в общежитие. Менее чем через неделю штукатур снова оказался в этой же компании. В результате оба рабочих вошли в список отзываемых в СССР» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 15. Л. 2–3).
- ³⁵ Справка «О некоторых случаях нарушений норм поведения советскими гражданами, работающими на строительстве Дворца культуры и науки в Варшаве». 12.01.1953 // Там же. Л. 8, 12, 13, 24.
- ³⁶ Отчет о работе Комиссии... за 1953 год // Там же. Л. 89.
- ³⁷ Там же. Л. 88.
- ³⁸ Записка А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. 10.08.1956 // Там же. Д. 17. Л. 80.
- ³⁹ Отчет Комиссии... за 1957 г. 24.01.1958 // Там же. Д. 18. Л. 15.
- ⁴⁰ Информационная записка в ЦК КПСС «О некоторых итогах работы Комиссии по выездам за границу за 1960 г.». 14.03.1961 // Там же. Д. 20. Л. 11.
- ⁴¹ Записка А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. 10.08.1956 // Там же. Д. 17. Л. 79.
- ⁴² Отчет Комиссии... за 1957 г. 24.01.1958 // Там же. Д. 18. Л. 9.
- ⁴³ Записка А. К. Долуды и зам. заведующего отделом административных органов ЦК КПСС В. Золотухина в ЦК КПСС. 14.12.1959 // Там же. Д. 19. Л. 97.
- ⁴⁴ См.: Информационная записка в ЦК КПСС «О некоторых итогах работы Комиссии по выездам за границу за 1960 г.». 14.03.1961 // Там же. Д. 20. Л. 9.
- ⁴⁵ Подсчитано по: Информационная записка в ЦК КПСС «О некоторых итогах работы Комиссии...». 14.03.1961 // Там же.
- ⁴⁶ А. Ф. Сененков — М. А. Суслову. 03.11.1953 // Там же. Д. 15. Л. 144. На коллегии Министерства М. И. Макарову был объявлен выговор (Там же. Л. 146).
- ⁴⁷ Записка А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. 10.08.1956 // Там же. Д. 17. Л. 79–80. К какой категории отнесены остальные 28 чел., документ умалчивает.
- ⁴⁸ Отчет Комиссии... за 1957 г. 24.01.1958 // Там же. Д. 18. Л. 13–14.
- ⁴⁹ Записка Комиссии... в ЦК КПСС. Декабрь 1957 г // Там же. Л. 23.
- ⁵⁰ Отчет Комиссии... за 1957 г. 24.12.1958 // Там же. Л. 7, 8, 10.
- ⁵¹ Записка Комиссии... в ЦК КПСС. Декабрь 1957 г // Там же. Л. 23.
- ⁵² Проект постановления Секретариата ЦК КПСС. Не позднее 5 февраля 1958 г // Там же. Л. 29.
- ⁵³ Записка Комиссии... в ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе Министерства культуры СССР по командированию за границу деятелей искусства». 09.01.1960 // Там же. Д. 19. Л. 100–104.
- ⁵⁴ А. Д. Макаров «выступал в СССР, США, Великобритании, Франции и других странах с крупнейшими артистами, в т[ом] ч[исле] с Давидом Ойстрахом, Леонидом Собиновым,

- Антониной Неждановой, Яшей Хейфецем, Иегудой Менухиным» (<http://yiddishmusic.jewniverse.info/makarovabram/index.html> (дата обращения 22.07.2016)); Н. Г. Вальтер, как сказано в «Музыкальной энциклопедии», «с 1928 концертмейстер и солист Всесоюзного радио. Выступает в ансамбле с крупнейшими сов. и зарубежными артистами: Л. Б. Коганом, М. Маршалем, П. Фурнье, А. Наваррой. Гастролирует за рубежом» (http://enc-dic.com/enc_music/Valter-N-G-1281.html (дата обращения 29.08.2016)). В одном из комментариев к записям Г. В. Свиридова за 1973 г. указано: «Александр Павлович Ерохин, пианист-аккомпаниатор Московской филармонии, работал в ансамбле с З. А. Долухановой, Е. В. Образцовой и многими другими выдающимися певцами» (см. *Свиридов Г. В.* Музыка как судьба (<http://gorenka.org/index.php/chitalnya-46/121-sviridov-g-v/5977-g-v-sviridov-muzyka-kak-sudba?showall=&start=23> (дата обращения 22.07.2016))). Если речь в записке идет об этих же людях, то становится понятно, почему они часто гастролировали за границей.
- ⁵⁵ Записка Комиссии... в ЦК КПСС. 26.05.1955 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 17. Л. 32–33. На записке резолюция: «Согласиться» с подписями Л. И. Брежнева, Е. А. Фурцевой и еще тремя — неразборчивыми.
- ⁵⁶ Н. Вершинин — ЦК КПСС. 16.08.1961 // Там же. Д. 20. Л. 65.
- ⁵⁷ Н. М. Шверник — М. А. Сулову. 12.08.1954 // Там же. Д. 16. Л. 5–6.
- ⁵⁸ Главный редактор газеты «Известия» К. Губин — ЦК КПСС. 19.05.1959 // Там же. Д. 19. Л. 67.
- ⁵⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами» был опубликован в «Ведомостях Верховного Совета ССР» 18 марта 1947 г. Закон отменили 14 октября 1953 г.
- ⁶⁰ Записка К. Е. Ворошилова М. А. Сулову. 30.05.1953 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 15. Л. 106.
- ⁶¹ Записка А. Ф. Сененкова М. А. Сулову. 30.10.1953 // Там же. Л. 110.
- ⁶² Отчет о работе Комиссии... за 1953 год // Там же. Д. 15. Л. 86.
- ⁶³ Письмо А. С. Панюшкина в ЦК КПСС. [Середина 1956 г.] // Там же. Д. 17. Л. 44.
- ⁶⁴ Там же. Л. 43.
- ⁶⁵ Отчет Комиссии... за 1957 г. 24.01.1958 // Там же. Д. 18. Л. 16.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Отчет о работе Комиссии... за 1953 год // Там же. Д. 15. Л. 91.
- ⁶⁸ Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». С. 40.

References

- ANTONOV V. S. *Sluzhba vneshnei razvedki: Istoriya, lyudi, fakty*. [Russia's foreign intelligence service. In Russ.] Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014.
- DANELIYA G. *Bezбилетnyi passazhir*. [Toll evader. In Russ.] Moscow, 2005.
- KULAEV I. S. *Vremena i nravy: memuary, pis'ma, dnevniki. Moya rabota s Ernestom Cheinom*. [Times and manners: the memories, the letters, and the diaries. My cooperation with Ernst Chain. In Russ.] // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2000. T. 79. N 6.
- OGRYZKO V. *Preodolenie zaushatel'stva: Tshchatel'no splanirovannyi proryv Il'i Glazunova*. [The overcoming of malevolent criticism: Ilya Glazunov's orchestrated break. In Russ.] // Literaturnaya Rossiya. 2015. 13 marta.
- ORLOV I. B., POPOV A. D. *Skvoz' "zheleznyi zhanaves"*. Russo turisto: sovetskii vyezdnoi turizm, 1955–1991. [Through the “Iron Curtain”. “Russo turisto”: Soviet Outbound Tourism in 1955–1991. In Russ.] Moscow, 2016.
- VAKSBERG A. I. *Moya zhizn' v zhizni*. [My life in life. In Russ.] Moscow: Terra-Sport Publ., 2000. T. 1.
- ZELENOV M. V. *Perestroika apparata TsK VKP(b) v 1946 g., v iyule 1948 g. i oktyabre 1952 g.: struktura, kadry i funktsii (istochniki dlya izucheniya)* [The restructuring of staff of the Central Committee of the All-

Union Communist Party of the Bolsheviks in 1946, in July 1948, and in October 1952: structure, cadres, and duties (primary sources). In Russ.] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2011. N 1.

Список литературы

- Антонов В. С.* Служба внешней разведки: История, люди, факты. М.: Кучково поле, 2014.
Ваксберг А. И. Моя жизнь в жизни. М.: Терра-Спорт, 2000. Т. 1.
Данелия Г. Безбилетный пассажир. М., 2005.
Зеленов М. В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 г. и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // *Новейшая история России*. СПб., 2011. № 1. С. 97–116.
Кулаев И. С. Времена и нравы: мемуары, письма, дневники. Моя работа с Эрнестом Чейном // *Вестник Российской академии наук*. 2000. Т. 79. № 6. С. 556.
Огрызко В. Преодоление зашталованности: Тщательно спланированный прорыв Ильи Глазунова // *Литературная Россия*. 2015. 13 марта.
Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016.

А. Н. Чистиков. «Разрешен выезд...»:

Деятельность Комиссии по выездам за границу в 1949–1962 гг.

Статья посвящена истории Комиссии по выездам за границу в 1949–1962 гг. Основываясь, главным образом, на документах из РГАНИ и различных опубликованных материалах, автор анализирует основные направления деятельности Комиссии. В статье рассмотрены порядок прохождения документов кандидатов на поездку за рубеж, выявлены основные причины отказа, причем моральные критерии перевешивали «политические». Комиссия принимала положительное или отрицательное решение о поездке за границу, учитывая мнение Президиума ЦК КПСС и местных партийных органов, министерств и ведомств, МВД и КГБ. Автор приходит к выводу о том, что Комиссия по выездам за границу была одним из важных фильтров в государственной системе допуска к международным поездкам.

Ключевые слова: «Поздний сталинизм», «хрущевское десятилетие», международные поездки, Комиссия по выездам за границу, ЦК КПСС.

A. N. Chistikov. “Allow exit...”: activity of the Commission for leaving abroad in the 1949–1962

The article is concerned with the history of the Commission departures abroad in 1949–1962. Based primarily on the documents from the Russian State Archive of Contemporary History and various published materials, the author analyzes the main activities of the Commission. The article describes the procedure for studying documents of candidates for a trip abroad. The author reveals the main reasons for the refusal, and concludes that moral criteria outweighed the “political”. The Commission takes a positive or a negative decision on a trip abroad, taking into account the opinion of the Presidium of the Central Committee and local Party bodies, ministries and agencies, the Interior Ministry and the KGB. The author concludes that the Commission for leaving abroad was one of the most important filters in the state system of access to international travel.

Key words: late Stalinism, Khrushchev’s decade, Commission for leaving abroad, tourism, the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union.

Чистиков, Александр Николаевич — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Tchistikov, Aleksandr Nikolayevich — Dr. of Sciences (History), St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tchistikov@yandex.ru